

«НАША СЛАВА»

Известную певицу, народную артистку СССР, лауреата Ленинской премии Людмилу Зыкину миллионы людей знают как талантливого и страстного пропагандиста советской песни. О своем жизненном и творческом пути она рассказывает в автобиографической книге «Песня», которая выйдет в издательстве «Советская Россия». Предлагаем читателям отрывок из этой книги.

Я ГАСТРОЛИРОВАЛА в Японии с маленьким, но дружным коллективом: давние добрые друзья мои, прекрасные баянисты Анатолий Шалаев и Николай Крылов и два виртуоза — балалаечник Михаил Рожков и гитарист Георгий Миняев. Целый месяц путешествовали в «сверхэкспрессах» — электропоездах, мчались по широкому автострадам, колесили по тесным городским улочкам.

Мы выступали перед разными аудиториями, но чаще всего — в колледжах и университетах. Это была первая встреча с Японией, с японскими зрителями. Но уже с начала гастролей, с первых концертов поразили удивительная любознательность, отзывчивость, культура молодых японцев.

...В странствиях наших как-то и не заметили, что подошел день отдыха. Накануне вечером пришли к нам чудесные, немного застенчивые ребята из колледжа, где мы выступали.

— Приглашаем вас на пикник, — сказали они. — У вас ведь выходной.

Все они были активистами Общества японо-советской дружбы, которое и организовало нашу поездку. Развлечение для нас, угощение, автобус, чтобы отвезти за город, — все оплачивали складчину из скромных своих — очень скромных — студенческих доходов. Мы узнали об этом и заявили, что тоже примем участие в складчине. Они, конечно, поначалу отказывались, но мы решительно настояли.

И тогда, на непритязательном студенческом торжестве, и раньше, на концертах, меня всегда поражала особая хоровая культура японцев.

Наша русская песня — исконно многоголосая. Где-нибудь на рязанской или воронежской земле, на Кубани или Омщине, когда сходились всем миром на «попевание», звучали еще — и звучат, к счастью! — многоголосые хоры. И точно зная свою партию, добавляет деревенская молодуха те самые особые, неповторимые рулады и «прищелкивания», «лелекания», которым учила меня еще неискушенная в музыкальной грамоте бабушка Васюта.

Многоголосие — всегда праздник. Но когда в одном из последних концертов запела специально разученную народную японскую песню «На берегу», я была просто поражена. Не два, не три, не четыре — чуть ли не сорок голосов, на диво стройно и слаженно, не сливаясь друг с другом, согласно вторили мне.

Вместе с японскими студентами пели мы и русские, и советские песни. С каким волнением и радостью вслушивались в дорожные слова, в русскую речь, пусть порой и не слишком правильную, непривычную для нашего уха! Счастья этого — вдруг услышать родной язык, родную речь — не изъяснить, не рассказать!..

ДЕСЯТЬ лет назад, в первый приезд в Париж, отправилась я в свободный час по бережно хранимому адресу.

Долго ехала из центра к захолустному окраинному кладбищу Батиньоль. Наконец, отыскала. Вошла в калитку ограды и пошла по дорожке, выложенной щербатыми, потрескавшимися каменными плитами. Проходила полтора часа, все спрашивала дорогую могилу — никто толком не знал.

Потом все же отыскала, запомнила дорогу среди невысоких крашенных оград и таких старинных крестов, точно вовсе и не Сена течет неподалеку, а псковская или рязанская речушка...

Аллея делит кладбище на две части: в левой все больше могилы русских. Подошла, наконец, к узенькому клочку земли, к камню с крестом и надписью «1873—1938».

Встала у ограды, положила цветы у памятника, оглянулась: никого не было рядом — сгребла сор, собрала высохшие ветки букета.

И подумалось мне тогда: как обидно, несправедливо, горько все это — запущенное, захолустное кладбище и сама эта чужая надпись на мраморной плите. Обидно, невыносимо обидно для памяти величайшего русского певца — Федора Ивановича Шаляпина.

В старой кинохронике увидела самого Шаляпина за год до смерти, на последнем концерте в парижском зале «Плейель». И лицо его — с выцветшим и поредевшим хохлом русских волос, но все с теми же молодыми глазами Бориса Годунова.

Уже дни его были сочны, и уже скоро, приподнявшись на подушках, скажет он сиделке своей — русской и старинной его почитательнице:

— Где я?... Чтобы петь, надо дышать... Где я? Не хватает дыхания!.. Где я?... В русском театре!..

А потом добавит:

— Вот я умру, и не станет песни. Вся русская песня уйдет со мной. Когда еще на Родине нашей сыщутся доброты и чудачки, для которых песня русская будет так же дорога, как для нас, грешных?... Уйдет песня, уйдет слава...

«Уйдет песня, уйдет слава»... Как трагично и как, к счастью, несправедливо, неверно это шаляпинское пророчество, брошенное, брошенное, в страшный час нестерпимой тоски по России, по ее песням!..

Слава русской песни не ушла. Она возрождена и приумножена. Тогда же, десять лет назад, на программке концерта Бруно Котатрикс написал лестные слова. Я их отношу не к себе — к нашей песне, к советскому искусству. Вот какая была сделана им надпись:

«Своим голосом вы представляете самое светлое, самое яркое искусство — искусство народной песни. Слушая вас, хочется смеяться, плакать, любить, мечтать».

Эта оценка нашей песни — самое дорогое воспоминание о Париже, об «олимпийском» успехе.

Вот тогда я подумала — это, наверное, и есть признание, слава. Слава русской песни, слава нашего советского искусства...